

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ДЫША ДУХАМИ
И ТУМАНАМИ...

Стихотворения
СИМВОЛИСТОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Д91

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Д91 **Дыша** духами и туманами... : стихотворения
символистов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. —
(Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-229633-8

В настоящем сборнике представлены лучшие образцы поэтического творчества русских символистов XX века.

Мистики и учёные, они изменили не только облик русской поэзии своего времени, но и оказали влияние на её дальнейшее развитие.

Русские символисты, такие как Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Александр Блок, Андрей Белый, не просто признанные художники и поэты. Они слышали шум своей эпохи, реагировали на него, вторили ему или, напротив, спорили с ним. И сегодня их поэзия предельно актуальна.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-229633-8

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

В АЛЬПАХ

Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.
Зыбкую насыпь надежд и желания
Смыло волной голубой.

Синие горы кругом надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души над землей поднимаются,
Но не покинут земли.

В берег надежды и в берег желания
Плещет жемчужной волной
Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.

Август 1886

* * *

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венки твой измят,
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле.
Неподвижно лишь солнце любви.

18 сентября 1887

* * *

Зной без сияния, тучи безводные,
Шум городской суеты...
В сердце тоскующем думы бесплодные,
Трепет бескрылой мечты.

Жду, когда новая туча надвинется,
Думы прольются в слезах
И над разбитою скорбью поднимется
Лик твой, как солнце в лучах.

1890

DAS EWIG-WEIBLICHE¹.
СЛОВО УВЕЩАТЕЛЬНОЕ
К МОРСКИМ ЧЕРТЯМ

Черти морские меня полюбили,
Рыщут за мною они по следам:
В Финском поморье недавно ловили,
В Архипелаг я — они уже там!

¹ Вечная женственность (*нем.*).

Ясно, что черти хотят моей смерти,
Как и по чину прилично чертям.
Бог с вами, черти! Однако, поверьте,
Вам я себя на съеденье не дам.

Лучше вы сами послушайтесь слова, —
Доброе слово для вас я припас:
Божьей скотинкою сделаться снова,
Милые черти, зависит от вас.

Помните ль вы, как у этого моря,
Там, где стоял Амафунт и Пафос,
Первое в жизни нежданное горе
Некогда вам испытать довелось?

Помните ль розы над пеною белой,
Пурпурный отблеск в лазурных волнах?
Помните ль образ прекрасного тела,
Ваше смятенье, и трепет, и страх?

Та красота своей первою силой,
Черти, недолго была нам страшна;
Дикую злобу на миг укротила,
Но покорить не умела она.

В ту красоту, о коварные черти,
Путь себе тайный вы скоро нашли,
Адское семя растленья и смерти
В образ прекрасный вы сеять могли.

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.

Всё, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Всё совместит красота неземная
Чище, сильней, и живей, и полней.

К ней не ищите напрасно подхода!
Умные черти, зачем же шуметь?
То, чего ждет и томится природа,
Вам не замедлить и не одолеть.

Гордые черти, вы всё же мужчины, —
С женщиной спорить не честь для мужей.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей!

1898

НИЛЬСКАЯ ДЕЛЬТА

Золотые, изумрудные,
Черноземные поля...
Не скупа ты, многотрудная,
Молчаливая земля!

Это лоно плодотворное,
Сколько дремлющих веков,
Принимало, всепокорное,
Семена и мертвецов.

Но не всё тобою взятое
Вверх несла ты каждый год:
Смертью древнею зачатое
Для себя весны всё ждет.

Не Изида трехвенечная
Ту весну им приведет,
А нетронутая, вечная
«Дева Радужных Ворот»¹.

1898

¹ Гностический термин (*примеч. Вл. Соловьева*).

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ

* * *

Как сон, пройдут дела и помыслы людей.
Забудется герой, истлеет мавзолей,
И вместе в общий прах сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
Как с аспидной доски ненужные слова,
Рукой неведомой сотрутся.

И уж не те слова под тою же рукой —
Далеко от земли, застывшей и немой, —
Возникнут вновь загадкой бледной.
И снова свет блеснет, чтоб стать
добычей тьмы,
И кто-то будет жить не так, как жили мы,
Но так, как мы, умрет бесследно.

И невозможно нам предвидеть и понять,
В какие формы Дух оденется опять,
В каких созданиях воплотится.
Быть может, из всего, что будит в нас любовь,
На той звезде ничто не повторится вновь...
Но есть одно, что повторится.

ВОЛНА

Нежно-бесстрастная,
Нежно-холодная,
Вечно подвластная,
Вечно свободная.

К берегу льнущая,
Томно-ревнивая,
В море бегущая,
Вольнолюбивая.

В бездне рожденная,
Смертью грозящая,
В небо влюбленная,
Тайной манящая.

Лживая, ясная,
Звучно-печальная,
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальная...

1895

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Город закутан в осенние ризы.
Здания теснятся ль громадой седой?
Мост изогнулся ль над тусклой водой?
Город закутан в туман светло-сизый.
Белые арки, навесы, шатры,
Дым неподвижный потухших костров.
Солнце — как месяц; как тучи — сады.
Гул отдаленной езды,
Гул отдаленный, туман и покой.

В час этот ранний иль поздний и смутный
Ветви без шума роняют листы,
Сердце без боли хоронит мечты
В час этот бледный и нежный и мутный.
Город закутан в забывчивый сон.
Не было солнца, лазури и дали.
Не было песен любви и печали,
Не было жизни, и нет похорон:
Город закутан в серебряный сон.

1896

СОНЕТ

Над морем тишина. Вблизи и в отдаленьи,
Перед угрозой тьмы забыв раздор дневной,
Слилась пустыня вод с воздушною волной
В объятьи голубом, в безбрежном сновиденьи.

И столько кротости в их позднем примиреньи,
Что берег побежден небесной тишиной
И скалы замерли над синей глубиной,
Как эхо грустных слов, поющих о забвеньи.

И вот зажглась звезда. Быть может, там вдали
Она окружена немолчным ураганом,
Но, разделенная воздушным океаном,
Она — лишь робкий луч для дремлющей земли,
Лишь предвечерний знак,
лишь кроткое мерцанье,
Над темной тишиной лучистое молчанье.

1897

* * *

О, этот бред сердечный и вечера,
И вечер бесконечный, что был вчера.

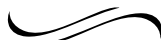
И гул езды далекой, как дальний плеск,
И свечки одинокой печальный блеск.

И собственного тела мне чуждый вид,
И горечь без предела былых обид.

И страсти отблеск знойный из прежних лет,
И маятник спокойный, твердящий: нет.

И шепот укоризны кому-то вслед,
И сновиденье жизни, и жизни бред.

1901

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

У МОРЯ

Сквозь тучи солнце жжет,
и душно пред грозой.
Тяжелый запах трав серебряно-зеленых
Смешался в воздухе со свежестью морской,
С дыханьем волн соленых.
И шепчет грозные, невнятные слова

Сердитый вал, с гранитом споря...
Зловещей бледностью покрылась синева
Разгневанного моря.

О мощный Океан, прекрасен и угрюм,
Как плач непонятый великого поэта, —
Останется навек твой беспредельный шум
Вопросом без ответа!

1889

ПАРКИ

Будь что будет — всё равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено.

Всё наскучило давно
Трем богиням, вещим пряхам:
Было прахом, будет прахом, —
Ты шуми, веретено.

Нити вечные судьбы
Тянут парки из кудели,
Без начала и без цели.
Не склоняют их мольбы,

Не пленяет красота:
Головой они качают,
Правду горькую вещают
Их поблекшие уста.

Мы же лгать обречены:
Роковым узлом от века
В слабом сердце человека
Правда с ложью сплетены.

Лишь уста открою — лгу,
Я рассечь узлов не смею,
А распутать не умею,
Покориться не могу.

Лгу, чтоб верить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цепи рабства и любви,
Всё, пред чем я полон страхом,
Рассекут единым взмахом,
Парка, ножницы твои!

1892

НЕУЛОВИМОЕ

Всю жизнь искать я буду страстно,
И не найду, и не пойму,
Зачем люблю Его напрасно,
Зачем нет имени Ему.

Оно — в моей высокой мысли,
Оно — в тени плакучих ив,
Что над гробницею повисли,
Оно — в тиши родимых нив.

В словах любви, и в шуме сосен
И наяву, и в грезах сна,
В тебе, торжественная осень,
В тебе, печальная весна!

В страницах древних книг, в лазури,
В согретом матерью гнезде,
В молитвах детских дней и в буре,
Оно — везде, Оно — нигде.

Недостижимо, но сияет.
Едва найду, едва коснусь,
Неуловимо ускользает,
И я один, и я томлюсь.

И восстаю порой мятежно:
Хочу забыть, хочу уйти,

И вновь тоскою безнадежно, —
И знаю, нет к Нему пути.

1893

ГОЛУБОЕ НЕБО

Я людям чужд, и мало верю
Я добродетели земной:
Иною мерой жизнь я мерю,
Иной бесцельной красотой.

Я только верю в голубую
Недосягаемую твердь,
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

Над всем, что любит и страдает,
Дрожит, как лист в дыханье бурь,
Улыбкой вечною сияет
Неумолимая лазурь.

О небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты.

1894

НОЯБРЬ

Бледный месяц — на ущербе.
Воздух — звонок, мертв и чист.
И на голой, зябкой вербе
Шелестит увядший лист.

Замерзает, тяжелеет
В бездне тихого пруда,
И чернеет и густеет
Неподвижная вода.

Бледный месяц на ущербе
Умирающий лежит,
И на голой черной вербе
Луч холодный не дрожит.

Блещет небо, догорая,
Как волшебная земля,
Как потерянного рая
Недоступные поля.

24 ноября 1894

ТЕМНЫЙ АНГЕЛ

О темный ангел одиночества,
Ты веешь вновь
И шепчешь вновь свои пророчества:
«Не верь в любовь!

Узнал ли голос мой таинственный?
О милый мой,
Я — ангел детства, друг единственный,
Всегда — с тобой.

Мой взор глубок, хотя не радостен.
Но не горюй:
Он будет холоден и сладостен,
Мой поцелуй,

Он веет вечною разлукою,
И в тишине
Тебя, как мать, я убаюкаю:
Ко мне, ко мне!»

И совершаются пророчества:
Темно вокруг.
О страшный ангел одиночества,
Последний друг,

Полны могильной безмятежностью
Твои шаги.
Кого люблю с бессмертной нежностью,
И те — враги!

1895

ДВОЙНАЯ БЕЗДНА

Не плачь о неземной отчизне
И помни: более того,
Что есть в твоей мгновенной жизни,
Не будет в смерти ничего.

И жизнь, как смерть, необычайна...
Есть в мире здешнем — мир иной.
Есть ужас тот же, та же тайна —
И в свете дня, как в тьме ночной.

И смерть и жизнь — родные бездны:
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.